
Особенности креативности в социальном взаимодействии у осужденных, совершивших корыстные и агрессивно-насильственные преступления

Мешкова Н.В., доцент кафедры теоретических основ социальной психологии, факультета социальной психологии, ФГБОУ ВО МГППУ (nmeshkova@yandex.ru)

Дебольский М.Г., кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ; ведущий научный сотрудник, ФКУ НИИ ФСИН России (mdebolsky@mail.ru)

Ениколопов С.Н., кандидат психологических наук, заведующий отделом медицинской психологии, ФГБНУ «Научный центр психического здоровья» (enikolopov@mail.ru)

Масленков А.А., начальник психологической лаборатории, ФКУ ИК-5 УФСИН России по Владимирской области

В статье представлены результаты эмпирического исследования особенностей креативности в социальном взаимодействии на выборке из осужденных мужского пола, отбывающих наказание в исправительной колонии (N=18, осужденные за мошенничество и корыстно-насильственные преступления и N=20, осужденных за агрессивно-насильственные преступления). Изучалась связь показателей беглости в ситуациях с положительной и негативной коннотацией (месть за причиненный ущерб и ложь в романтических отношениях) с ценностями личности (опросник Ш. Шварца), агрессией (опросник Басса-Перри), характеристиками темперамента (Опросник К. Клонингера), поведением (Опросник М. Ранко и др.). У осужденных за корыстные преступления выявлены корреляции беглости в ситуациях с негативной коннотацией с враждебностью и гневом, в то время как у агрессивно-насильственных преступников отказ от мести опосредуется высшими ценностями социального фокуса. Результаты показывают, что креативность в социальном взаимодействии в ситуациях с отрицательной и положительной коннотацией не является единым конструктом: ее следует дифференцировать по антисоциальной и просоциальной направленности. Указаны ограничения исследования и предложены направления для дальнейшего исследования.

Ключевые слова: креативность, антисоциальная креативность, личностные характеристики осужденных, ценности осужденных, мошенники, агрессивно-насильственные преступники.

Для цитаты:

Мешкова Н.В., Дебольский М.Г., Ениколопов С.Н., Масленков А.А. Индивидуально-типологические предикторы тяжести правонарушений. [Электронный ресурс] // *Психология и право*. 2018(8). № 1. С. 147-163. doi: 10.17759/psylaw.2018080111

For citation:

Meshkova N.V., Debolsky M.G., Enikolopov S.N., Maslenkov A.A. Features of creativity in social interaction among convicts who have committed self-serving and aggressively violent crimes. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2018(8), no. 1. pp.147-163. doi: 10.17759/psylaw.2018080111

Введение и состояние проблемы

Интерес к изучению феномена антисоциальной креативности поддерживается существованием такого явления, как использование творческого мышления для намеренного нанесения вреда другим людям. Нерешенной остается проблема психологических особенностей креативных людей, способствующих реализации креативного потенциала в таких видах криминального поведения, как мошенничество, терроризм и экстремизм, т. е. когда достижение собственных нелегитимных целей осуществляется нелегитимными способами. Осложняет решение проблемы тот факт, что авторами идей, реализация которых причиняет вред другим людям, и исполнителями этих идей часто являются не одни и те же люди [6].

Анализ исследований, изучавших особенности людей, использующих креативный потенциал в криминальных целях, позволяет выделить два подхода. В первом подходе данные получены на выборках учащихся (Нао et al, 2016), во втором подходе – в рамках психопатологии при проведении экспертизы лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления [13; 14].

Изучение представителей, что называется, нормативной выборки, показало, что творческие способности могут применяться, во-первых, при обмане и лжи, а, во-вторых, при условии анонимности для причинения вреда другим людям в ситуации реакции на нанесенную ими обиду [17]. В основе антисоциально направленной креативности находятся агрессивность и психологические особенности личности, которые, взаимодействуя, влияют на поведение в определенных социальных ситуациях. Так, высокие показатели беглости – один из параметров креативности, характеризующий количество наносимых вред идей, сочетаются с открытостью опыту, агрессивностью и экстраверсией [17]. Провоцируют причинение ущерба определенная ситуация, импульсивность человека или взаимодействие этих двух факторов [18]. Также имеются данные о том, что при решении дилемм, сфокусированных на ценностях человеческой жизни и социальных нормах, пренебрежение моральными запретами происходит у подростков, обладающих высокими значениями IQ и потребности достижений в сочетании с низкой эмпатией [12].

Если говорить об исследовании заключенных, то при ригидности мышления, отсутствии креативности в когнитивной и социальной сферах многие из них отличаются оригинальностью как в совершении преступления, так и в избегании наказания [13; 14], что свидетельствует о ситуативности вредоносной креативности. Кроме того, такие выявленные у преступников характеристики, как лживость, манипулятивность, отсутствие угрызений совести, импульсивность, гнев и эгоцентризм, ассоциируются с креативностью [15]. Кроме того, выявлены корреляции креативного поведения с высокими значениями темпераментальных характеристик – поиском новизны и настойчивостью и низким показателем избегания вреда [16]. Такие же показатели темперамента, сочетающиеся с высоким уровнем враждебности картины мира и агрессии в поведении, были получены в исследованиях на выборке скинхедов [5]. Все приведенные данные, полученные в рамках второго подхода к изучению антисоциально направленной креативности, особенно важны, поскольку касаются реализованной в поведении креативности, в то время как предметом изучения этого явления на нормативной выборке является продуцирование креативных идей, но не их реализация.

Интерес для проблемы связи креативности и поведения представляют наработки и исследования российских авторов, изучавших связь криминальной агрессии и личностных характеристик и конкретно ценностей. Так, было показано, что искажения в содержании ценностных ориентаций детерминируют продуманные, планируемые агрессивные деяния [4]. Согласно А.Р. Ратинову, одним из факторов, опосредующих связь агрессивности и криминальной агрессии, являются ценности, «...ради достижения которых осуществляется деятельность» [7]. В рамках ценностно-нормативного подхода, применительно к описанию причин преступного поведения (А.Р. Ратинов), ценностная сфера рассматривается как состоящая из двух областей: ядерной, включающей в себя значимые и стабильные ценности, и периферийной, включающей ситуативные ценности [8].

О ситуативности ценностей и решающей роли ценностных ориентаций в саморегуляции поведения в различных областях активности писал также и В.А. Ядов, причем важно, что в определенных ситуациях, вызывающих эмоциональные состояния гнева, депрессии, паники, адекватность саморегуляции поведения нарушается [9].

Применительно к использованию творческого потенциала и его реализации в поведении, наносящем вред, представляется важным изучение взаимодействия ценностей человека как регуляторов деятельности и ситуаций, в которых предполагается угроза ценностям. Особенно перспективно изучение этого феномена на контингенте осужденных за воровство и мошенничество. Данное обстоятельство и определяет проблему представленного в настоящей статье осуществленного нами эмпирического исследования.

На настоящий момент имеются данные, что для мошенников (выборка: средний возраст 35 лет, в основном работники торговли, экономисты и финансисты предприятий различных форм собственности) характерны ценности власти, гедонизма, индивидуализма и прагматизма, достижения успеха, тесная связь макиавеллизма с эгоизмом, с манипулятивной и асоциальной стратегиями преодоления жизненных трудностей, со склонностью к риску и импульсивностью мышления, с ориентацией на деньги, высокий уровень социального интеллекта [10], что свидетельствует о значимости для мошенников высшей ценности «Самоутверждение» по Ш. Шварцу.

Ю.М. Антонян с коллегами с помощью адаптированного варианта Миннесотского многофакторного личностного опросника (ММРП) предприняли попытку выявить психологические особенности отдельных категорий преступников, показав, что между особенностями личности и видами преступления существует связь [1]. Так, для корыстно-насильственных преступников (лиц, осужденных за грабеж, разбой, вымогательство) характерна повышенная враждебность к окружению и тенденция к непосредственному удовлетворению возникающих желаний и потребностей, что сочетается с нарушением общей нормативной регуляции поведения, интеллектуального и волевого контроля и обусловлено импульсивностью и трудностями в усвоении и осознании социальных норм; поведение убийц направляется в основном аффективно заряженными идеями и искаженно понимаемыми социальными требованиями и нормами; для воров характерны хорошая ориентация в социальных нормах и требованиях, но, несмотря на это, внутреннее неприятие их и сознательное нарушение. У корыстно-насильственных преступников в наибольшей степени выражена потребность в самоутверждении, а у воров – самый низкий уровень тревоги и высокая гибкость поведения. Авторы исследования пришли к выводу о том, что специфичность личности преступников состоит в сочетании негативного содержания ценностно-нормативной системы и устойчивых криминогенных характеристик [1].

Таким образом, для выявления особенностей креативности мошенников целесообразно провести сравнительное исследование с другими преступниками, что поможет вскрыть ключевые моменты как для превентивных мероприятий в целом, так и для понимания особенностей характеристик, способствующих реализации творческого мышления для нанесения вреда другим людям – в частности.

Программа эмпирического исследования

Исследование проведено на базе ФКУ ИК-5 УФСИН России по Владимирской области. **Цель эмпирического исследования** состояла в том, чтобы выявить особенности креативности у нескольких групп заключенных и провести сравнительный анализ. **В задачи исследования** входило: 1) изучение показателей креативности (беглость) в ситуациях негативной и положительной коннотации; 2) выявление взаимосвязи показателей креативности, ценностей, враждебности, агрессии.

Объект исследования: группы осужденных, совершивших мошенничество, корыстно-насильственные и агрессивно-насильственные преступления. **Предмет исследования:** взаимосвязь личностных характеристик различных категорий осужденных с креативностью при принятии решений и поведении в социальных ситуациях.

Основная гипотеза исследования: различия в показателях креативности (беглость) в группе мошенников и корыстно-насильственных преступников и группе осужденных за агрессивно-насильственные преступления, обусловлены ситуационными и личностными характеристиками. Для подтверждения основной гипотезы были выдвинуты *частные гипотезы-следствия*, согласно которым: 1) в группах испытуемых существуют различия в показателях беглости в ситуации с негативной и положительной коннотацией; 2) уровень беглости в ситуации с негативной коннотацией обусловлен ценностями личности и ее враждебностью.

В исследовании приняли участие 38 осужденных мужского пола, отбывающие заключение в исправительной колонии, из них 18 человек (средний возраст – 36 лет \pm 5 лет; среднее образование) – осужденные за мошенничество, кражи, грабеж и хранение/сбыт наркотических средств – выборка мошенников и корыстно-насильственных преступников (далее «К») и 20 человек (средний возраст – 35 \pm 5 лет; среднее образование) – осужденные за агрессивно-насильственные преступления (далее «АГНП»).

Процедура и методы исследования

Испытуемым был предложен блок из трех социальных ситуаций для выявления креативного потенциала: первая ситуация – с негативной коннотацией обиды и анонимности (месть за разбитый телефон [17]); вторая ситуация касалась лжи в романтических отношениях (асоциальная креативность); третья ситуация предполагала задание придумать как можно больше оригинальных идей поздравления близкого человека с днем рождения (просоциальная креативность). При обработке полученных данных учитывалось количество ответов на каждую социальную ситуацию (беглость).

Был использован Портретный ценностный опросник Шварца – пересмотренный PVQ-R [11]. В основе методики находится усовершенствованная теория 19 базовых индивидуальных ценностей, которые объединяются в ценности высшего порядка [11]. Важно, что дальнейшая работа по апробации опросника состоит «... в исследовании связи данных ценностей и широкого набора типов поведения, которые данные ценности должны предсказывать» [11, с. 68]. Кроме того, автор опросника допускает использование как отдельных ценностей, т. е. не всех 19, так и их объединений в ценности высшего порядка в зависимости от исследовательских целей [11].

Также использовались: опросник Басса–Перри для диагностики аффективного, когнитивного и инструментального компонентов агрессии [3]; опросник TCI-125 К. Клонингера [2] для измерения темпераментальных характеристик «Избегания вреда» и «Поиска новизны»; опросник «Поведенческих особенностей вредоносной креативности» [17], состоящий из трех шкал, касающихся поведения, в котором чаще всего реализуются оригинальные решения, наносящие вред другим людям. Авторы опросника любезно разрешили нам адаптировать его на российской выборке, и работа по адаптации ведется. Респондентам предлагается выбрать один из пяти ответов (Никогда, Редко, Иногда, Часто, Всегда) на вопросы о поведении. Например, «Как часто у вас возникают идеи о том, как избавиться от тех, кто мешает осуществлению ваших планов?» (Шкала «Причинение вреда»); «Как часто Вы обманываете других для того, чтобы решить проблемную ситуацию?» (Шкала «Ложь»); «Как часто вы пытаетесь злыми шутками отомстить другим?» (Шкалы «Злые шутки»). Ответам присваиваются баллы от 0 до 4 и подсчитывается общее количество баллов.

Данные обрабатывались с помощью статистического пакета SPSS 23.0.

Результаты эмпирического исследования

В ходе эмпирического исследования были получены следующие результаты.

Блок социальных ситуаций для оценки параметра креативности «Безлость»

Прежде всего отметим, что большинство ответов на ситуации с отрицательной коннотацией № 1 (с разбитым телефоном) и № 2 (ложь в романтических отношениях) распределились следующим образом: № 1. – мстить нехорошо и № 2 – так поступать нельзя. Таким ответам присваивался ранг «0». В случае ответа на № 1 «не та ситуация, в которой можно мстить», ему присваивался ранг 1. В целом же ответы подсчитывались по количеству продуцированных осужденными идей. Испытуемые, отказавшиеся отвечать на задания по социальным ситуациям, были исключены из анализа креативности.

Согласно полученным данным, в обеих выборках зафиксировано превышение количества идей для решения заданной просоциальной ситуации над количеством идей в ситуациях с негативной коннотацией. В табл. 1 представлена статистика парных связанных выборок с уровнем значимости различий (Т-критерий).

Таблица 1

Статистика парных выборок

Группа	Пара	Среднее	Среднекв. отклонение	Значение Т-критерия	Уровень значимости
К	БС1	1,05	1,840	-,590	,563
	БС2	1,21	1,903		
	БС1	1,00	1,806	-3,693	,002
	БС3	2,55	1,701		
	БС2	1,21	1,903	-3,797	,001
	БС3	2,58	1,742		
АГНП	БС1	,53	1,179	-,203	,842
	БС2	,59	,712		
	БС1	,60	1,242	-2,956	,010
	БС3	1,53	1,552		
	БС2	,53	,743	-2,236	,042
	БС3	1,53	1,552		

Условные обозначения: К – мошенники и корыстно-насильственные преступники; АГНП – агрессивно-насильственные преступники; БС1 – беглость в социальной ситуации 1; БС2 – беглость в социальной ситуации 2; БС3 – беглость в социальной ситуации 3.

Если говорить о корреляциях, то в выборке АГНП показатели беглости во всех заданных ситуациях не коррелируют, а в выборке К выявлены значимые корреляции показателей беглости в ситуациях с отрицательной коннотацией №2 и просоциальной ситуации (табл. 2).

Таблица 2

Корреляции показателей беглости по Спирмену в социальных ситуациях в выборках

Параметры	Социальная ситуация 1		Социальная ситуация 2	
	Мошенники/корыстные преступники	Агрессивно-насильственные преступники	Мошенники/корыстные преступники	Агрессивно-насильственные преступники
Выборка	Мошенники/корыстные преступники	Агрессивно-насильственные преступники	Мошенники/корыстные преступники	Агрессивно-насильственные преступники
Социальная ситуация 2	Отсутствие корреляции	Отсутствие корреляции	-	-
Социальная ситуация 3	Отсутствие корреляции	Отсутствие корреляции	,604**	Отсутствие корреляции

Условные обозначения: «**» – корреляция значима на уровне $p < 0.01$.

Корреляции параметров по Спирмену методик Басса–Перри, К. Клонингера, ценностей (Ш. Шварц) и беглости.

В выборке мошенников и корыстно-насильственных преступников были получены положительные корреляции **беглости в социальной ситуации № 2** и параметров «Гнев» и «Враждебность» (Басс–Перри), индивидуальными ценностями «Репутация» и «Универсализм–Забота»; **беглость в просоциальной ситуации** положительно коррелирует с ценностями «Репутация», «Безопасность личная» и «Конформность межличностная»; параметра «Избегание вреда» (Клонингер) с параметрами «Гнев» и «Враждебность» (Басс–Перри) и ценностью «Самостоятельность мысли», «Причинение вреда» (М. Ранко) и высшей ценности «Самоутверждение» (Ш. Шварц). Результаты и значимость корреляций представлены в табл. 3.

Таблица 3

Корреляции по Спирмену в группе мошенников и корыстно-насильственных преступников

Параметры	БС2	БС3	Избегание вреда (К.Клонингер)	Причинение вреда (М.Ранко)
Гнев	,635**	-	,654**	-
Враждебность	,531*	-	,643**	-
FAC	,559*	,467*	-	-
UNC	,596**		-	-
SEP	-	,472*	-	-
COI	-	,464*	-	-
SDT	-	-	-,492*	-
Самоутверждение (Ш.Шварц)	-	-	-	,484*

Условные обозначения: «*» – корреляция значима на уровне $p < 0.05$; «**» – корреляция значима на уровне $p < 0.01$; «-» – отсутствие корреляций; БС3 – беглость в социальной ситуации 3; БС2 – беглость в социальной ситуации 2; FAC – Репутация (Ш. Шварц), UNC – Универсализм (забота о других) (Ш. Шварц), SDT – Самостоятельность мысли (Ш. Шварц), COI- Конформизм межличностный (Ш.Шварц), SEP – Безопасность личная (Ш. Шварц).

В группе агрессивно-насильственных преступников были получены следующие отрицательные корреляции: беглости в социальной ситуации № 1 с ценностью «Достижение»; беглости в социальной ситуации № 2 – со шкалой «Причинение вреда» (М. Ранко), ценностями «Безопасность общественная», «Конформизм-Правила» и «Благожелательность-Забота»; беглость в просоциальной ситуации положительно коррелирует с ценностями «Благожелательность-Чувство долга» и «Благожелательность-Забота». Также выявлены отрицательные корреляции шкалы «Причинение вреда» (М. Ранко) и ценностей «Конформизм-Правила», «Универсализм-Толерантность» и высшей ценности «Сохранение», а также суммарного показателя вредоносной креативности (М. Ранко) с ценностями «Безопасность личная» и «Конформизм-Правила» и положительные корреляции данного параметра с ценностью «Универсализм-Забота о природе». Результаты и значимость корреляций представлены в табл. 4.

Таблица 4

Корреляции по Спирмену в группе агрессивно-насильственных преступников

Показатели	NV	AC	SES	SEP	COR	BES	BED	UNT	UNN	CONS
BC1	-	-,489*	-	-		-	-			
BC2	,536*	-	-,539*	-	-,520*	-,516*	-			
BC3	-	-	-	-	-	,516*	,545*			
NV	-			-	-,574*			-,462*		-,549**
SUM	-		-	-,571**	-,517*				,568**	

Условные обозначения: «*» – корреляция значима на уровне $p < 0.05$; «**» – корреляция значима на уровне $p < 0.01$; «-» – отсутствие корреляций; BC1 – беглость в социальной ситуации 1; BC2 – беглость в социальной ситуации 2; BC3 – беглость в социальной ситуации 3; AC – «Достижение» (Ш.Шварц); SES – «Безопасность общественная» (Ш. Шварц); SEP – «Безопасность личная» (Ш. Шварц); COR – «Конформизм-Правила» (Ш. Шварц); BED – «Благожелательность-Чувство долга» (Ш. Шварц); BES – «Благожелательность-Забота» (Ш. Шварц); UNT – «Универсализм-Толерантность» (Ш. Шварц); UNN – «Универсализм-Забота о природе» (Ш. Шварц); CONS – «Сохранение» (Ш. Шварц); NV – «Причинение вреда» (М. Ранко); SUM – суммарный показатель вредоносной креативности (М. Ранко)

Непараметрические тесты сравнения выборок по критерию Манна-Уитни

В результате непараметрических сравнений обеих выборок по критерию Манна-Уитни были выявлены значимые различия по параметрам «Враждебность» (Басс-Перри), оказавшемся значимо выше у мошенников и корыстно-насильственных преступников (уровень значимости различий $p < 0.01$); ценности «Универсализм» («Толерантность») (Ш. Шварц) и показателя «Причинение вреда» (методика «Поведенческие особенности вредоносной креативности» Нао et al., 2012) со значимо превышающими у агрессивно-насильственных преступников (уровень значимости различий $p < 0.05$ и $p < 0.01$ соответственно).

Портретный ценностный опросник Шварца – пересмотренный PVQ-R

В обеих выборках не было выявлено значимых различий по показателям высших ценностей. Средние значения высших ценностей распределились в обеих выборках одинаково в таком порядке по убыванию: «Самоопределение»; «Сохранение»; «Открытость изменениям» и «Самоутверждение» с явной выраженностью мета-ценностей «Социального фокуса», включающих в себя первые две высших ценности (см. Ш. Шварц и др., 2012). Средние значения высших ценностей представлены в табл. 5.

Таблица 5

Среднее значение высших ценностей по выборкам обследуемых

Выборка	Среднее	«Самопреодоление»	«Сохранение»	«Открытость изменениям»	«Самоутверждение»
Корыстные преступники	Ср.	4,32	4,09	4,08	2,95
	Стд. откл.	,893	,953	,888	,847
АГНП	Ср.	4,47	4,18	4,05	2,84
	Стд. откл.	,767	,652	,705	,734

Условные обозначения: АГНП – агрессивно-насильственные преступники.

Обсуждение результатов и перспектива дальнейших исследований

В исследовании выявлялись особенности креативности в двух выборках: мошенников/корыстно-насильственных преступников (далее К) и агрессивно-насильственных преступников (далее АГНП). Согласно выдвинутой гипотезе, показатели креативности опосредуются взаимодействием ситуации и личностных характеристик – враждебностью и ценностями личности. Полученные результаты показали, что о различиях в беглости можно говорить условно, так как явных значимо количественных различий в выборках не было выявлено. Однако были получены качественные различия в креативности. Так, значение среднего показателя беглости в ситуациях с негативной коннотацией (вредоносная креативность) в выборке АГНП – менее 1, что означает отказ большей части респондентов мстить или лгать в предложенных им заданиях. В то время как в выборке мошенников и корыстно-насильственных преступников этот показатель – более 1, что означает два факта: во-первых, для части выборки предложенная ситуация не заслуживает мести, а, во-вторых, часть выборки выполнила предложенное ей задание в полном объеме. Данные качественные различия в креативности двух выборок можно объяснить несколькими выявленными зависимостями.

Во-первых, в обеих выборках выявлены значимые различия в соотношении высших ценностей с преобладанием социального фокуса. Согласно Ш. Шварцу, ценности «Самопреодоления» акцентированы на преодолении личных интересов ради других, а «Сохранения» – на избегании изменений, самоограничении и порядке [11]. Данное обстоятельство объясняет, почему респонденты оказались, что называется, «малочувствительными» к продуцированию идей мести в предложенной ситуации, касающейся в большей степени угрозы личным материальным ценностям. Эти данные, а также выявленные значимые различия по показателю беглости в просоциальной ситуации по сравнению с ситуациями негативной коннотации подтверждают первую частную гипотезу о ситуативности креативности. В дальнейшем представляется важным выяснить, изменяются ли показатели беглости в ситуациях угрозы ценностям социального фокуса и

сохранения, например, угрозы правилам, законам и формальным обязательствам или традициям.

Во-вторых, в группе К показатели беглости в ситуации с негативной коннотацией (лжи в романтических отношениях) положительно коррелируют с когнитивным («Враждебность») и аффективным («Гнев») компонентами агрессии. Кроме того, в этой выборке значимо высокий по сравнению с АГНП показатель аффективного компонента агрессии и значимо низкий показатель ценности «Универсализм» (толерантность к другим). Выявленные зависимости позволяют объяснить качественное отличие показателей беглости выборки мошенников и корыстно-насильственных преступников от выборки АГНП влиянием личностных характеристик и ценностей на взаимодействие в социальной ситуации, что подтверждает вторую частную гипотезу.

Отдельного внимания заслуживают результаты, оказавшиеся для нас неожиданными, касающиеся распределения высших ценностей по степени значимости. Согласно полученным данным, высшие ценности в порядке убывания значимости распределились в пользу социального фокуса в такой последовательности: «Самопреодоление», «Сохранение», «Открытость изменениям», «Самоутверждение», что противоречит данным, полученным и Ю.М. Антоняном с соавторами, и Е.Ю. Стрижовым, выявившими особенности мошенников, воров и других корыстно-насильственных преступников. Согласно исследователям, для этой категории осужденных характерны потребности самоутверждения [1; 10], а для корыстно-насильственных преступников – еще и враждебность к окружающим [1]. Расхождения данных результатов с результатами, полученными в нашем исследовании, можно объяснить несколькими обстоятельствами. Дело в том, что, во-первых, мы не учитывали срок наказания, который уже отбыли преступники, и этно-национальный состав выборки, что, видимо, имеет значение и заслуживает дальнейшего исследования. Во-вторых, трансформация ценностей может быть связана с особенностями тюремной субкультуры в данной конкретной колонии, «выживание» в которой продиктовано ценностями сохранения статус-кво, самоограничения и порядка, с преодолением личных интересов ради общественных. В-третьих, малое количество испытуемых также может сказываться на полученных результатах.

Что касается реализации креативности в агрессивном поведении, то никаких значимых различий между обеими выборками по агрессии и темпераментальным характеристикам («поиск новизны» и «избегание вреда») выявлено не было, что может быть связано с социальной желательностью заключенных, отбывающих свой срок в колонии. Можно сделать вывод о том, что на данный конкретный момент поведение респондентов «предсказывается» высшими ценностями самопреодоления и сохранения, освобождающих человека от мести за причиненный ущерб материальным ценностям конкретного человека. Этот вывод косвенно подтверждается, во-первых, отрицательной корреляцией параметра «Причинение вреда» с индивидуальными ценностями, входящими в высшие ценности социальной направленности «Самопреодоления» и «Самосохранения», а, во-вторых, непараметрическими сравнениями показателей агрессии и поиска новизны, значимо высокими в выборке скинхедов и мужчин контрольной группы из исследования Н.В.Мешковой [5] по сравнению с отбывающими свой срок преступниками из настоящего исследования. Тем не менее, выявленное различие выборок по показателю «Причинение вреда» (опросник, разработанный под руководством М. Ранко и др. [17], на настоящий момент адаптируемый нами на российской выборке), значимо превышающему у агрессивно-насильственных преступников по сравнению с выборкой осужденных за

корыстные преступления, представляет интерес для дальнейшего анализа. Дело в том, что данный параметр показывает поведение, в котором реализуется вредоносная креативность, и, конкретно, причинение вреда другим людям в ситуации мести [17]. Эти результаты и ответы отказа от мести агрессивно-насильственных преступников в задании № 1 можно проинтерпретировать следующим образом. Респонденты отказываются придумывать идеи для мести, т. е. стать, что называется, разработчиками, но они могут быть реализаторами, т. е. потенциальными исполнителями мести, о чем и свидетельствуют результаты адаптируемого нами опросника.

Выводы и заключение

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы.

У мошенников и корыстно-насильственных преступников вредоносная креативность, т. е. использование творческого мышления для нанесения вреда тем, кто заслуживает, по их мнению, мести, а также для лжи при взаимодействии в романтических ситуациях, опосредуется враждебностью и гневом.

У агрессивно-насильственных преступников отказ от мести в социальной ситуации с отрицательной коннотацией опосредуется ценностями сохранения статус-кво, самоограничения и порядка, с преодолением личных интересов ради общественных, а также ценностью толерантности с мотивационными целями принятия и понимания других людей, отличающихся от них.

Креативность опосредуется ситуацией: в различных типах ситуаций различный уровень беглости. Креативность в социальном взаимодействии в ситуациях с отрицательной и положительной коннотацией не является единым конструктом. Следует дифференцировать два вида креативности в социальном взаимодействии: антисоциально и просоциально направленную креативность.

Ценности, формируемые криминальной субкультурой, могут оказывать влияние на связь вредоносной креативности и агрессивного поведения, нивелируя ее.

Отказ от придумывания идей, наносящих вред, не означает отказ от реализации этих идей. Агрессивно-насильственные преступники являются потенциальными исполнителями идей, разработанных другими людьми.

Результаты нашего исследования показывают, что ценности, ситуация и личностные характеристики оказывают влияние на креативность: могут как снижать продуцирование идей, приносящих вред другому человеку, так и повышать их количество. Разумеется, придумывать идеи и реализовывать их – далеко не одно и то же, поэтому дальнейшее исследование должно предполагать увеличение количества испытуемых, учет срока и этнонациональных особенностей респондентов, сравнение с контрольной группой мужчин для выявления особенностей реализации вредоносной креативности в криминальном поведении у разных категорий преступников.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №17-06-00608-ОГН «Личностные и ситуативные особенности асоциальной и негативной креативности».

Литература

1. Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследования преступлений. М.: Юрист, 1996.
2. Ениколопов С.Н., Ефремов А.Г. Апробация биосоциальной методики Клонинжера «Структура характера и темперамента» // Материалы 1-й международной конференции, посвященной памяти Б.В. Зейгарник. М.: МГУ. 2001. С. 104—105.
3. Ениколопов С. Н., Цибульский Н. П. Психометрический анализ русскоязычной версии опросника диагностики агрессии А. Басса и М. Перри // Психологический журнал. 2007. № 1. С. 115–124.
4. Коньшева Л.П. Личность и ситуация как детерминанты агрессивно-насильственных преступлений // Насилие, агрессия, жестокость. Криминально-психологическое исследование. М.: ВНИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1990. С. 112–141.
5. Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н. Психологические аспекты «преступлений ненависти» // Криминология: вчера, сегодня, завтра: Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. 2008. № 2 (15). С. 63–75.
6. Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н. О психологических исследованиях асоциальной креативности // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 50. С. 3. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 03.09.2017).
7. Ратинов А.Р. К ядру личности преступника // Актуальные проблемы уголовного права и криминологии. М.: Прогресс, 1981. С. 67–86.
8. Ратинов А.Р., Ефремова Г.Х. Правовая культура и поведение // Юридическая психология / Составитель Т.Н. Курбатова. СПб.: Питер, 2001. С. 50–65.
9. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения / Под ред. В.А. Ядова. Л.: Наука, 1979.
10. Стрижов Е.Ю. Нравственно-психологические детерминанты мошенничества: автореф. дисс. ... докт. псих. наук. Тула, 2011. 48 с.
11. Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 1. С. 43–70.
12. Andreani O.D., Pagnin A. Moral reasoning in gifted adolescents: Cognitive level and social values // *European Journal for High Ability*. 1992. Vol. 3(4). P. 105–114.
13. Eisenman R. Creative prisoners: Do they exist? // *Creativity Research Journal*. 1999. Vol. 12. P. 205–210.
14. Eisenman R. Malevolent Creativity in Criminals // *Creativity Research Journal*. 2008. Vol. 20(2). P. 116–119. doi: 10.1080/10400410802059465
15. Croypley A. J., Croypley D. H. Creativity and Lawbreaking // *Creativity research journal*. 2011. Vol. 23(4). P. 313–320. doi: 10.1080/10400419.2011.621817
16. Chavez-Eakle R. A., Lara M. C., Cruz-Fuentes C. Personality: A possible bridge between creativity and psychopathology? // *Creativity Research Journal*. 2006. Vol. 18. P. 27–38.

17. *Hao N., Tang M., Yang J., Wang Q., Runco M.A.* A New Tool to Measure Malevolent Creativity: The Malevolent Creativity Behavior Scale // *Front. Psychol.* 2016. Vol. 7. P. 682. doi: 10.3389/fpsyg.2016.00682
18. *Harris D.J., Reiter-Palmon R.* Fast and Furious: The Influence of Implicit Aggression, Premeditation, and Provoking Situations on Malevolent Creativity // *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts.* 2015. Vol. 9. №. 1. P. 54–64. doi: 10.1037/a0038499

Features of creativity in social interaction among convicts who have committed self-serving and aggressively violent crimes

Meshkova N.V., Ph.D. (Psychology), Assistant Professor, Chair of Theoretical Foundations of Social Psychology, Department of Social Psychology, Moscow State University of Psychology & Education (nmeshkova@yandex.ru)

Debolsky M.G., PhD in Psychology, Associate Professor, Professor, Department of legal psychology and law, faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education; senior researcher, PKU research Institute of the Federal penitentiary service of Russia (mdebolsky@mail.ru)

Enikolopov S.N., Ph.D. (Psychology), Head of the Department of Medical Psychology, Mental Health Research Center (enikolopov@mail.ru)

Maslenkov AA, Head of the Psychological Laboratory, PKU IK-5 of the Federal Penitentiary Service of Russia for the Vladimir Region

The article presents the results of an empirical study of the features of creativity in social interaction on a sample of male convicts serving sentences in a penal colony (N = 18, convicted of fraud and selfish violence, and N = 20 convicted of aggressively violent crimes). The relationship between the fluency indicators in situations of positive and negative connotations (revenge for damage and lies in romantic relationships) with personal values (the Sh.Shwartz questionnaire), aggression (the Bassa-Perry questionnaire), temperament characteristics (K.Cluninger's questionnaire), behavior (Questionnaire of M.Ranko et al.). Correlations of convicts found correlations of fluency in situations with negative connotation with hostility and anger, while in aggressively violent criminals the refusal of revenge is mediated by the highest values of social focus. The results show that creativity in social interaction in situations with negative and positive connotations is not a single construct: it should be differentiated according to the antisocial and prosocial orientation. The limitations of the study are indicated and directions for further research are suggested.

Key words: creativity, antisocial creativity, personal characteristics of convicts, values of convicts, fraudsters, aggressively violent criminals.

Funding

The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project No. 17-06-00608-ОГН-А "Personal and situational characteristics of asocial and negative creativity".

References

1. Antonyan Yu.M., Enikeev M.I., Eminov V.E. *Psikhologiya prestupnika i rassledovaniya prestuplenii* [Psychology of the criminal and the investigation of crimes]. Moscow: Yurist, 1996.
2. Enikolopov S.N., Efremov A.G. Aprobatsiya biosotsial'noi metodiki Kloninzhera «Struktura kharaktera i temperamenta» [Approbation of Cloninger's biosocial methodology "Structure of character and temperament"]. *Materialy 1 mezhdunarodnoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati B.V. Zeigarnik* [Materials of the 1 international conference dedicated to the memory of B.V. Zeigarnik]. Moscow: MGU, 2001, pp. 104—105.
3. Enikolopov S. N., Tsibul'skii N. P. Psikhometricheskii analiz russkoyazychnoi ver) sii oprosnika diagnostiki agressii A. Bassa i M. Perri [Psychometric analysis of the Russian-language version of the questionnaire on the diagnosis of aggression by A. Bass and M. Perry]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 2007, no. 1, pp. 115–124.
4. Konysheva L.P. Lichnost' i situatsiya kak determinanty agressivno-nasil'stvennykh prestuplenii [Personality and situation as determinants of aggressively violent crimes]. *Nasilie, agressiya, zhestokost'. Kriminal'no-psikhologicheskoe issledovanie* [Violence, aggression, cruelty. Criminal and psychological research]. Moscow: VNII, 1990, pp. 112–141.
5. Meshkova N.V., Enikolopov S.N. Psikhologicheskie aspekty «prestuplenii nenavisti» [Psychological issues of hate crimes]. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra: Trudy Sankt-Peterburgskogo kriminologicheskogo kluba* [Criminology: yesterday, today and tomorrow], 2008, no. 2 (15), pp. 63–75.
6. Meshkova N.V., Enikolopov S.N. O psikhologicheskikh issledovaniyakh asotsial'noi kreativnosti [On psychological research of antisocial creativity]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological studies], 2016. Vol. 9, no. 50, pp. 3. URL: <http://psystudy.ru> (Accessed: 03.09.2017).
7. Ratinov A.R. K yadru lichnosti prestupnika [To the core of the criminal's personality]. *Aktual'nye problemy ugolovnogo prava i kriminologii* [Actual problems of criminal law and criminology]. Moscow: Progress, 1981, pp. 67–86.
8. Ratinov A.R., Efremova G.Kh. Pravovaya kul'tura i povedenie [Legal culture and behavior]. In Kurbatova T.N. (ed.), *Yuridicheskaya psikhologiya* [Juridical psychology]. Saint Petersburg: Piter, 2001, pp. 50–65.
9. Yadov V.A. (ed.), *Samoregulyatsiya i prognozirovaniye sotsial'nogo povedeniya* [Self-regulation and prediction of social behavior]. Leningrad: Nauka, 1979.
10. Strizhov E.Yu. *Nravstvenno-psikhologicheskie determinanty moshennichestva. Avtoref. diss. ... dokt. psikh. nauk.* [Moral and psychological determinants of fraud. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Tula, 2011. 48 p.

11. Shvarts Sh., Butenko T.P., Sedova D.S., Lipatova A.S. Utochnennaya teoriya bazovykh individual'nykh tsennostei: primeneniye v Rossii [The refined theory of basic individual values: application in Russia]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki [Psychology. J. of VSE]*, 2012. Vol. 9, no. 1, pp. 43–70.
12. Andreani O.D., Pagnin A. Moral reasoning in gifted adolescents: Cognitive level and social values. *European Journal for High Ability*, 1992. Vol. 3(4), pp. 105–114.
13. Eisenman R. Creative prisoners: Do they exist? *Creativity Research Journal*, 1999. Vol. 12, pp. 205–210.
14. Eisenman R. Malevolent Creativity in Criminals. *Creativity Research Journal*, 2008. Vol. 20(2), pp. 116–119. doi: 10.1080/10400410802059465
15. Cropley A. J., Cropley D. H. Creativity and Lawbreaking. *Creativity research journal*, 2011. Vol. 23(4), pp. 313–320. doi: 10.1080/10400419.2011.621817
16. Chavez-Eakle R. A., Lara M. C., Cruz-Fuentes C. Personality: A possible bridge between creativity and psychopathology? *Creativity Research Journal*, 2006. Vol. 18, pp. 27–38.
17. Hao N., Tang M., Yang J., Wang Q., Runco M.A. A New Tool to Measure Malevolent Creativity: The Malevolent Creativity Behavior Scale. *Front. Psychol.*, 2016. Vol. 7, pp. 682. doi: 10.3389/fpsyg.2016.00682
18. Harris D.J., Reiter-Palmon R. Fast and Furious: The Influence of Implicit Aggression, Premeditation, and Provoking Situations on Malevolent Creativity. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, 2015. Vol. 9, no. 1, pp. 54–64. doi: 10.1037/a0038499